

В. И. Коваль (Гомель)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЖЕНСКОЙ И МУЖСКОЙ КРАСОТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Внешняя привлекательность принадлежит к числу гендерно маркированных характеристик, поэтому изначально можно предположить, что женская и мужская красота по-разному представлена в художественных текстах. При этом следует учитывать определенный исторический и социально-культурный контекст, формирующий устойчивые стереотипы красоты мужчин и женщин.

Женская красота ассоциируется в первую очередь с красивым лицом, в котором, согласно существовавшему стереотипу, должны были сочетаться белизна и румяна, т. е. белый и красный цвета (сравн. пушкинское *Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?*). В романе И. А. Гончарова «Обломов» встречаем описание женской внешности с ориентацией на подобные стереотипные представления: *Ольга в строгом смысле не была красавица, то есть не было ни белизны в ней, ни яркого колорита щек и губ.* Значимость белизны (белой, чистой кожи женского лица) подчеркивается в следующем примере, где прилагательное *белá* выступает в качестве контекстуального синонима слов *красива* и *величественна*: *Софья-Шарлотта, с темным, как у матери, взором, но более покойным, была красива, величественна и бела* (А. Толстой. Петр Первый).

Описания женской красоты, встречающиеся в художественных текстах, отличаются большим вниманием к деталям – глазам, бровям, ресницам, губам, зубам, рукам, плечам: *И смех затих, – до того Санька показалась красивой: брови стрелами, глаза темные, ресницы мохнатые, носик приподнятый, ребячьи губы тряслись, ровные зубы постукивали, румянец – как на яблоке; Атали <...>, придерживая зубами сорочку, поправляла волосы. У нее были красивые руки и смуглые плечи* (А. Толстой. Петр Первый);

Важной составляющей частью женской красоты является одежда, роль которой значительно повышается с возрастом: *Лев Кириллыч и старый Стрешнев вели царицу. Для этого дня вынули из сундуков старые ее наряды – милого персикового цвета летник, заморским бисером шитый нежными травами опашень... Когда надевала, – плакала Наталья Кирилловна о невозвратной молодости. И шла сейчас красивая, статная, как в былые года* (А. Тол-

стой. Петр Первый). Негативная самооценка женщиной своей внешности выражается гендерно маркированным глаголом *подурнеть* ‘стать менее красивой, утратить привлекательность’: *Прежде она [Долли] одевалась для себя, чтобы быть красивой и нравиться; потом, чем больше она старилась, тем неприятнее ей становилось одеваться; она видела, как она подурнела* (Л. Толстой. Анна Каренина). Показательно, что подруга Долли – Анна – деликатно «не замечает» похудения Долли, воспринимавшегося женщинами в 19 веке как нечто нежелательное, негативное. Глагол *похорошеть*, таким образом, выступает в роли антонима слова *похудеть* (= *подурнеть*): *Анна смотрела на худое, измученное, с засыпавшегося в морщинки пылью лицо Долли и хотела сказать то, что она думала, – именно, что Долли похудела; но, вспомнив, что она сама похорошела и что взгляд Долли сказал ей это, она вздохнула и заговорила о себе*. В современном восприятии, напротив, женская полнота оценивается отрицательно, противопоставляясь молодости и красоте: *Прямо перед ним на крыльце с тазом в руках стояла женщина. Лет, наверно, пятидесяти, красивая в прошлом, ныне полная* (Шукшин. Приезжий).

Молодость женщины однозначно воспринимается как воплощение красоты, а старость (соответственно) – как ее отсутствие: *Благородная молодая женщина с полными, оттягивавшими ей плечи ведрами прошла в сени. Появились откуда-то еще бабы – молодые красивые, средние и старые некрасивые, с детьми и без детей* (Л. Толстой. Анна Каренина). Ср. при этом допустимость словосочетания *красивый старик* при маловероятности употребления почти оксюморонного выражения *красивая старуха*: *Красивый старик с черной с проседью бородой и густыми серебряными волосами неподвижно стоял, держа чашку с медом, ласково и спокойно с высоты своего роста глядя на господ, очевидно ничего не понимая и не желая понимать* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Вместе с тем женская красота и привлекательность могут долгое время сохраняться: *Несмотря на то что Пульхерии Александровне было уже сорок три года, лицо ее все еще сохраняло в себе остатки прежней красоты, и к тому же она казалась гораздо моложе своих лет* (Достоевский. Преступление и наказание); *Аксинья, как только пришла домой, подошла к зеркальцу, вмазанному в камень печи, и долго взволнованно рассматривала свое постаревшее, но все еще прекрасное лицо* (Шолохов. Тихий Дон).

Некрасивая женщина отождествляется прежде всего с некрасивым лицом, лишенным белизны и румянца: *...Вдруг брови ее поднялись внутренними сторонами, образуя треугольник на лбу; некрасивое желтое лицо ее стало еще некрасивее* (Л. Толстой. Анна Каренина). Воплощением женской непривлекательности является и так называемый *синий чулок*: *Там к нему одна барыня привязалась из наших русских, синий чулок какой-то, уже немолодой и некрасивый, как оно и следует синему чулку* (Тургенев. Рудин). Составной частью неприятной женской внешности является мужеподобность фигуры: *Под белилами и румянами на некрасивом лице ее проступали пятна. Царевна была широка в кости, коренастая, крепкая, с большой головой* (А. Толстой. Петр Первый). Негативно маркируются такие детали женской внешности, как выпуклые или маленькие глаза, большой нос и большие руки, крупные черты лица, очевидная худоба: *Возле него стояла высокая, тонкая англичанка с выпуклыми рачьими глазами и большим птичьим носом, похожим скорее на крючок, чем на нос. Одета она была в белое кисейное платье, сквозь которые сильно просвечивали тощие, желтые плечи...* (Чехов. Дочь Альбиона).

Мужская красота представлена в художественных текстах более сдержанно и менее детализованно, нередко – в сочетании с другими гендерно маркированными типично мужскими качествами, которые неизменно высоко оцениваются женщинами: *Король Август – божество, принявшее человеческий облик. Он красив, любезен, смел...* (А. Толстой. Петр Первый). В характеристике Вронского подчеркивается, кроме его внешней привлекательности и доброты, высокий социально значимый статус, обязательный для мужчины, ведущего светский образ жизни: *«Страшно богат, красив, большие связи, флигель-адъютант и вместе с тем – очень милый, добрый малый»*. При описании привлекательной мужской внешности может присутствовать традиционный набор признаков, в том числе уже упоминавшееся сочетание белизны и румянца: *В его [Стивы] красивой, светлой наружности, блестящих глазах, черных бровях, волосах, белизне и румянце лица, было что-то, физически действовавшее дружелюбно и весело на людей, встречавшихся с ним* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Наряду с красивыми губами, глазами, бровями – чертами внешности, характерными и для женщин, – внимание читателя в подоб-

ных случаях может акцентироваться на мужских усах, бороде, бакенбардах, на больших сильных руках, на статной, высокой фигуре.

Излишнее внимание мужчины к своей внешности, выражающееся в рассматривании лица в зеркало, воспринимается как поведение, иллюстрирующее отступление от гендерного стереотипа: *Король подошел к зеркалу и задумчиво стал разглядывать свое несколько осунувшееся лицо. Оно никогда ему не надоедало, потому что он живо представлял себе, как должны любить женщины этот очерченный, как у античной статуи, несколько чувственный рот с крепкими зубами, большой породистый нос, веселый блеск красивых глаз* (А. Толстой. Петр Первый).

Особого комментария заслуживает представление в текстах мужской внешности через типично женские проявления. Так, Базарова во внешности Павла Петровича Кирсанова поражают его *«длинные розовые ногти»*; Константин Левин пристально рассматривает руку Гриневича *«с длинными желтыми, загибавшимися в конце ногтями»*. Созерцание Свидригайлова не вызывает у Раскольникова положительных эмоций: *«Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на маску: белое, румяное, с румяными, алыми губами, с светло-белокурою бородой и с довольно еще густыми белокурыми волосами. Глаза были как-то слишком голубые, а взгляд их как-то слишком тяжел и неподвижен. Что-то было ужасно неприятное в этом красивом и чрезвычайно моложавом, судя по летам, лице. Одежда Свидригайлова была щегольская, летняя, легкая, в особенности щеголял он бельем»*.

Описание внешности **некрасивого мужчины** обычно уравнивается подчеркиванием других его достоинств: *Стремов был человек лет пятидесяти, полуседой, еще свежий, очень некрасивый, но с характерным и умным лицом* (Л. Толстой. Анна Каренина); *Басистов был рослый мальчик, с простым лицом, большим носом, крупными губами и свинными глазками, некрасивый и неловкий, но добрый, честный и прямой* (Тургенев. Рудин). Вместе с тем внешняя «некрасивость» мужчины может быть причиной его глубоких переживаний. Так, Константин Левин был уверен, что *...таинственная прелестная Кити не могла любить такого некрасивого, каким он считал себя, человека*. Именно из-за этого своего комплекса Левин ревнует свою жену к красивому молодому человеку – Васеньке Весловскому.